

номорских проливах ³⁹. Она привела к подчинению афинскому влиянию ряда пунктов на южном (Синопа, Амис), а возможно и западном побережье Черного моря ⁴⁰. Каким образом Афины использовали свое владычество над проливами, особенно ясно видно на примере их мероприятий в этом районе во время Пелопоннесской войны. Укрепление связей с понтийским районом, которое было достигнуто в результате Понтийской экспедиции, имело огромное значение для жизни Афин не только в период, непосредственно следовавший за ней, но и в более позднее время. Без упрочения этих связей и прежде всего без укрепления своей власти на проливах, Афины не были бы в состоянии выдержать длительную борьбу во время Пелопоннесской войны — они были бы очень скоро поставлены на колени. Победа над Афинами стала возможной для их противников только после того, как спартамцам удалось уничтожить власть афинян над проливами, в результате чего Афины лишились продовольственного снабжения ⁴¹.

Понтийская экспедиция имела первостепенное значение и для Боспорского государства. Широкие возможности сбыта продуктов сельского хозяйства и рыбы, которые особенно увеличились в IV в. до н. э., привели к большому расцвету всех сторон жизни Боспора.

И. Б. Брашинский

СТОИМОСТЬ МОНЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ В ОЛЬВИИ II В БОСПОРСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В IV в. до н. э.

Изучение античных монет Северного Причерноморья началось давно, однако лишь в последние годы нумизматические памятники стали привлекать для воссоздания картины общего экономического развития греческих городов нашего Юга. Первые шаги в этом направлении были сделаны А. Л. Бертье-Делагардом, но только к настоящему времени в советской науке наметился переход от рассмотрения отдельных групп и разновидностей монет к попыткам восстановления на основе такого анализа хозяйственной истории крупнейших центров античного Причерноморья. Серьезным препятствием на этом пути является прежде всего отсутствие не только корпуса монет Северного Причерноморья, но и каталогов главных монетных собраний СССР. С другой стороны, отдавая дань гиперкритическому отношению к источникам, многие ученые вообще поставили под сомнение возможность получения в данной области прочных выводов. Поскольку показания античных авторов и свидетельства эпиграфических документов не могли быть согласованы с модернизаторскими построениями значительной части нумизматов первой половины текущего столетия, они были объявлены сначала непонятными, а затем и вовсе лишены значения. Такая судьба постигла, в частности, те немногие свидетельства, которые относятся к истории денежного обращения и, в особенности, к обращению кизикских статеров в античном Причерноморье.

Первым письменным источником, содержащим указание на курс кизикинов в Ольвии, является надпись, найденная в 1876 г. в селении Анадолю-Кавак, на азиатском берегу Босфора, среди развалин знаменитого в древности святилища Зевса Урия

³⁹ Некоторые ученые высказали предположение, что Периклом была введена десятипроцентная пошлина за провоз товаров через проливы. См. J. V e l o s h, R. M., XXXIX (1884), стр. 38; ср. П е в с к а я, ук. соч., стр. 85 сл.

⁴⁰ В одном из фрагментов списка фороса афинских союзников за 425/4 г. с большой вероятностью восстанавливается название Аполлонии Понтийской. См. ATL, I, стр. 116; ср. ВДН, 1955, № 2, стр. 151.

⁴¹ См. F. M i l t n e r, Die Meerengenfrage in der griechischen Geschichte, «Klio», XXVIII (1935), стр. 10 сл.

(IOSPE, I², 24 = SIG, I³, 218). Она занимала здесь место в ряду других документов, регулировавших торговлю в Причерноморье и представлявших поэтому интерес для мореплавателей¹. Текст надписи всесторонне изучен В. Диттенбергером и В. В. Латышевым; он установлен прочно и не дает повода для разночтений. По характеру письма и грамматическим особенностям надпись относится к первой половине IV в. до н. э.² Содержание ее следующее. После введения, в котором отмечено, что въезд в Буго-Днепровский лиман разрешается при соблюдении изложенных ниже условий, а также указано, что постановление принято советом и народом по предложению Каноба, сына Фрасидаманта (стк. 1—4), следуют пять пунктов декрета. Во-первых, разрешается ввоз и вывоз всякого чеканного золота и чеканного серебра, т. е. иностранной монеты (стк. 4—6). Во-вторых, продажа и покупка этого золота и серебра, т. е. обмен иностранной монеты на местную, разрешены только «на камне в экклезиастерии»³, и назначается санкция за несоблюдение этого пункта (стк. 6—13). В-третьих, всякая вообще купля и продажа в городе позволяют исключительно «πρὸς τὸν χαλκὸν καὶ τὸ ἀργύριον τὸ Ὀλβιόπολτικόν», причем за нарушение назначен штраф и указан порядок его взыскания (стк. 13—22). В следующем пункте уточняется отношение иноземной монеты к ольвийской: кизикин приравнивается к десяти с половиной ольвийским статерам, а все остальные сорта иностранной монеты разрешается обменивать «ὡς ἐν ἀλλόχοις περὶ θωσι» (стк. 23—29). В последнем из уцелевших пунктов указано, что операции по обмену денег освобождаются от пошлины (стк. 29—31).

Из сказанного видно, как велико значение памятника, притом не только для изучения денежного хозяйства Ольвии, но и для восстановления общей картины денежного обращения в позднелатинской Греции. Его высоко оценивали ученые конца XIX в., в работах которых особенно важно восстановление утраченного места в стк. 24—25, где сначала были колебания в чтении: *εὐδεκάτου* или *δωδεκάτου ἡμιστάτηρον*. Впрочем, в дальнейшем первый издатель надписи И. Мордтманн различил в конце стк. 24 следы *Ε*, в чем его поддержал и В. В. Латышев, так что первое чтение, а вместе с тем и курс кизикина, равный $10\frac{1}{2}$ статерам, могут считаться несомненными⁴.

Если текст памятника был восстановлен вскоре после открытия надписи, то составление к нему нумизматического комментария оказалось нелегким. Уже Диттенбергер отверг путаные рассуждения Мордтманна по этому поводу и указал, что в надписи закономерно определенное отношение кизикинов к местной монете⁵. В дальнейшем Т. Рейнак указал в ряду ольвийских монет названные в декрете статеры, но неправильно определил их средний вес; к тому же французский нумизмат полагал, будто кизикин приравнивается в надписи к $11\frac{1}{2}$, а не к $10\frac{1}{2}$ статерам⁶. Следующий шаг по пути изучения

¹ По свидетельству Демосфена (XX, § 36), в том же храме были выставлены копии декрета афинян, предоставившего Левкону I ателию, и ответного постановления боспорского владыки в пользу афинских граждан.

² W. Dittenberger, *Kritische Bemerkungen zu griechischen Inschriften*, «Hermes», XVI (1881), стр. 189—191; В. В. Латышев, *Исследования об истории и государственном строе города Ольвии*, СПб., 1887, стр. 34, 48 и др.; ср. также леммы к этой надписи в IOSPE и в SIG.

³ Подобный порядок намечает в своем идеальном государстве Платон, Legg., XI, § 2 (р. 916—d).

⁴ Dittenberger, «Hermes», XVI, стр. 189—190; J. Mordtmann, *Miscellen*, «Hermes» XX (1885), стр. 314; IOSPE, I¹ (1885), стр. 314, ср. IOSPE, I² (1916), стр. 34—35.

⁵ Dittenberger, «Hermes», XVI, стр. 189—191 (ср. J. Mordtmann, *Epigraphische Mittheilungen*, «Hermes», т. XIII (1878), стр. 378); Латышев, *Исследования...*, стр. 48—49.

⁶ T. Reinach, *De la valeur proportionnelle de l'oret de l'argent dans l'antiquité grecque*, RN, 3 ser., XI (1893), стр. 157—159 (ср. о нем же, *L'Histoire par les monnaies*, P., 1902, стр. 68—69); E. Babelon, *Les origines de la monnaie*, P., 1897, стр. 329.

занимающего нас документа был сделан А. Л. Бертье-Делагардом, который попытался вывести средний вес упомянутых в надписи статеров на основании значительного числа экземпляров и наметил путь для определения относительной стоимости электра и серебра в Ольвии. Указав, однако, что одновременно с серебряными статерами ольвиополиты чеканили золото, Бертье-Делагард неожиданно заключил, будто «никакого вывода по этой монете нельзя сделать», и усмотрел цель ольвийского постановления лишь в том, чтобы привлечь в Ольвию драгоценные металлы искусственным повышением курса кизикинов, назначения на них «крупной премии»⁷.

Несмотря на то, что соображения Бертье-Делагарда были кратко изложены Э. Миннзом⁸, они остались неизвестными для большинства западных нумизматов; даже такой крупный специалист, как К. Реглинг, следует, например, за Рейнаком в неверном определении среднего веса ольвийских статеров⁹, в связи с чем курс кизикинов становится непомерно высоким. А. Сегре попытался избежать этого увеличения произвольным изменением показаний надписи¹⁰, но, как и следовало ожидать, такой пример не нашел подражателей. Ввиду этих трудностей О. Фидебант уже в 1917 г. занял по отношению к декрету весьма скептическую позицию¹¹. С другой стороны, Г. Шмитц еще более запутал изучение памятника. Не вдаваясь в подробности (работа Шмитца специально разобрана И. Газебреком), здесь достаточно указать, что на протяжении всего своего труда автор исходит из не имеющего ничего общего с действительностью предположения, будто Ольвия на протяжении всей своей истории обильно чеканила золото и электр¹². Общий вывод Г. Шмитца, будто цель декрета состояла в предотвращении вывоза ольвийской серебряной монеты, также не встретил признания в силу своей полной неосновательности.

В дальнейшем показание ольвийской надписи неоднократно привлекалось в ходе развернувшейся на рубеже 20-х и 30-х годов дискуссии об относительной стоимости металлов в древнем мире¹³. Из числа прямо высказывавшихся по его поводу ученых следует выделить И. Газебрека и Ф. Гейхельгейма. Первый полагает, что декрет был вызван стремлением поднять курс ольвийских статеров выше их фактической металлической стоимости, причем город, устанавливая размер кизикина на $10\frac{1}{2}$ местных статеров, предусмотрел тем самым получение определенного дохода, а потому отказался от взимания прямой пошлины с обменных операций. Справедливо критикуя Шмитца за крайнюю модернизацию античного хозяйства и указывая на многие его промахи, Газебрек воздерживается вместе с тем от использования надписи для вычисления стоимости металлов, так как неизвестен размер извлекавшейся ольвиополитами прибыли¹⁴.

⁷ А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р. Х., НС, I, 1911, стр. 54—63 слл.

⁸ E. H. M i n n s, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 459, 485 и др.

⁹ K. R e g l i n g, Kyzikener, RE, XII (1924), стб. 227.

¹⁰ Он утверждает, будто кизикин разменивался в Ольвии в III в. до н. э. (так!) на $13\frac{1}{2}$ или на $12\frac{1}{2}$ статеров; A. S e g r e, Metrologia e circolazione monetaria degli antichi, Bologna, 1928, стр. 211 и 515.

¹¹ O. V i e d e b a n t t, Forschungen zur Metrologie des Altertums, ASGW, philos.-hist. Klasse, XXXIV, вып. 3 (1917), стр. 106.

¹² H. S c h m i t z, Ein Gesetz der Stadt Olbia zum Schutze ihres Silbergeldes, Freiburg, 1925, стр. 11—14 и мн. др. Ссылка автора на Э. Р. Штерна не достигает цели, так как, говоря о находке на о. Березани «ранних монет» Ольвии, последний мог иметь в виду только литые медные «ассы» — золота и тем более несуществующего ольвийского электра на острове никогда не находили. Рецензия Газебрека помещена в PhW, т. 46 (1926), № 14—15, стр. 368—372.

¹³ Попытку подвести итоги дискуссии и литературу см. F. H e i c h e l h e i m, Wirtschaftsgeschichte des Altertums, I—II, Leiden, 1938, стр. 307—311 и 1029—1030.

¹⁴ J. H a s e b r o e k, Die Betriebsformen des Griechischen Handels im IV Jh., «Hermes», LXVIII (1923), стр. 410—411; о н ж е, Staat und Handel im alten Griechen-

В противовес этому Гейхельгейм солидаризуется со Шмитцем, считавшим, что кизикины ценились в Ольвии выше своей металлической стоимости, но так как, по его наблюдениям, это имело место во всем греческом мире, Гейхельгейм признает показания ольвийского декрета чрезвычайно важными¹⁵.

Из сказанного видно, что ольвийская надпись была основанием для различных взглядов, но при всем том связанные с нею проблемы не получили окончательного решения. К сожалению, в советской нумизматической литературе памятник изучался мало. Авторы работ, опубликованных в 20-х годах, разделяли взгляды А. Л. Бертье-Делагарда¹⁶, а в дальнейшем многие давали декрету высокую оценку, но всегда останавливались на нем лишь попутно¹⁷. Наконец, А. И. Зограф сочувственно приводит мнение Фидебанта и приходит к заключению, что надпись не может быть источником для вычисления относительной стоимости монетных металлов, так как курс кизикина в Ольвии непомерно завышен, и все значение надписи сводит к тому, что она свидетельствует о роли кизикинов в ольвийской торговле¹⁸.

В связи с изложенными выше мнениями необходимо заметить, что цель декрета напрасно видят в установлении курса на кизикины. Если рассматривать не один только соответствующий пункт в отрыве от прочих, но все постановление в целом, можно заключить, что его главной частью являются стк. 13—22, где говорится о том, что все без исключения акты купли-продажи в городе могут быть совершены лишь с помощью ольвийских монет (πολεῖν δὲ καὶ πωλεῖσθαι πάντα πρὸς τὸ νόμισμα τὸ τῆς πόλεως), и отмечены не только мера наказания — конфискации товара и уплаченных за него денег, но и то обстоятельство, что взимание штрафов с нарушителей закона будет осуществляться в судебном порядке лицами, которые возьмут эти штрафы на откуп. Все остальные пункты декрета лишь уточняют порядок осуществления данного параграфа: поскольку в городе запрещено покупать и продавать с помощью каких-либо иных денег, кроме ольвийской меди и серебра, становится необходимым назначить, с одной стороны, место обмена иноземных монет на городские (стк. 6—10), а с другой — установить официальный курс наиболее распространенной иноземной монеты, кизикинов, предоставляя в прочих случаях условия обмена свободному соглашению сторон (стк. 23—29). Так как

land, Tübingen, 1928, стр. 86; 169—170; ср. также указанную выше рецензию на брошюру Шмитца, PhW, т. 46, 1926, № 14—15, стр. 368—372.

¹⁵ F. H e i c h e l h e i m, Wirtschaftliche Schwankungen der Zeit von Alexander bis Augustus, Jena, 1930, стр. 8—9; о н ж е, Wirtschaftsgeschichte des Altertums, т. I, стр. 310—311.

¹⁶ А. С. К о ц е в а л о в, Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на північному узбережжі Чорного моря, «Збірник заходознавства ВУАН», ч. 1, 1929, стр. 4 и 6—7; Г. Д. Ш т е й н в а н д, Кизикський гект Одеського археологічного музею у зв'язку з електроновим карбуванням міста Кизика взагалі, ВОРК, секція, археологічна, ч. 4—5, 1930, стр. 20—21 и 23. Штейнванд считает, что ольвинопольиты хотели установить твердый курс кизикинов, которые в этот период начинают падать в цене.

¹⁷ Например, С. А. Ж е б е л е в, Что понимать под Борисфеном в IOSPE, I², 24, ИТУАК, вып. 54 (1918), стр. 65—72 (ср. о н ж е, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 291—298); о н ж е, в сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, М., 1955 (в дальнейшем цит. АГСИ), стр. 10; Л. М. С л а в і н, Ольвия, Київ, 1938, стр. 17—19; Д. П. К а л л и с т о в, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 144—145 и 268; о н ж е, Северное Причерноморье в античную эпоху, М., 1952, стр. 81; о н ж е, в сб. «Древняя Греция», М., 1956, стр. 359—360; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, АГСИ, т. I, стр. 44; Д. Б. Ш е л о в, Античный мир в Северном Причерноморье, М., 1956, стр. 58; Т. П. К н и н о в и ч, в сб. «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М., 1956, стр. 328.

¹⁸ А. И. З о г р а ф, Античные монеты, МИА СССР, № 16 (1951), стр. 48, 126—127, 175 (в дальнейшем цит. АМ).

это постановление нарушало прежнюю практику, его постарались сделать как можно менее ощутимым для иноземных купцов — отсюда первый и последний пункты, которыми разрешается не только свободный ввоз, но и свободный вывоз из Ольвии любого сорта иностранной монеты (стк. 4—6), причем обмен ее на монету ольвийской чеканки объявляется беспощадным (стк. 29—31)¹⁹. Таким образом, декрет в целом продиктован стремлением укрепить и упорядочить денежное обращение внутри города. Сравнение всех пунктов показывает, что ольвиополиты, устанавливая определенный курс на кизикины, исходили не из отвлеченных расчетов и не из узкофискальных соображений, но принимали за основу их средний курс на рынках Причерноморья. Если даже имелось в виду извлечь из обменных операций некоторую прибыль, то величина последней не создавала резкого разрыва между стоимостью кизикских статеров в Ольвии и в других местах: ведь каждому предоставлялось право вывозить любое количество всякой монеты, в том числе и ольвийской (чем подрываются домыслы Шмитца), и кизикинов (что лишает вероятности допущения Газебрека).

Следует добавить, что не более основательно и предположение А. Н. Зографа, утверждающего, будто «необычно высокий курс кизикинов» объясняется тем, что они разменивались на медь. А. Н. Зограф прямо пишет, что надпись «предписывает размен кизикинов на ольвийскую медную и серебряную монету»; это повторяет и Д. П. Каллистов²⁰. Необходимо, однако, заметить, что нигде в декрете нет ни такого правила, ни даже такой возможности. Для объединения же в одной формулировке двух смежных пунктов не может быть оснований, ибо речь в них идет хоть и о связанных между собой, но все-таки о различных постановлениях. В первом случае медь упомянута в качестве средства обращения не в связи с разменом иностранных монет, но в связи с тем, что все торговые операции на городском рынке могут происходить исключительно «πρὸς τὸν χαλκὸν καὶ τὸ ἀργύριον τὸ Ὀλβιπολιτικόν», чем и ограничивается присущая меди сфера обращения. В противовес этому серебро выполняет не только функцию средства обращения, но и выступает в следующем пункте в роли меры стоимости по отношению к драгоценному металлу кизикинов: «τὸ δὲ χρυσίον πωλεῖν καὶ ἀνεῖσθαι τὸν μὲν στατήρα τὸν κισικόν ἐνδεκάτου ἡμιστατήρου καὶ μῆτε ἑξαῖστέρον μῆτε τιμιώτερον». Ввиду этого не может подлежать сомнению, что именно серебро было во время издания декрета единственной законной мерой стоимости и вообще выполняло функции денег, которые, как это установлено К. Марксом, всегда принадлежат в каждом данном месте и в каждой данный период одному металлу²¹. Поэтому из декрета невозможно сделать вывод об особой роли меди в качестве денег как таковых²², но можно заключить только то, что внутри города обращалось, наряду с серебром, большое количество медной монеты, которая, впрочем, при наличии на рынке монет из благородных металлов не могла перейти из своей сферы обращения в сферу обращения последних²³.

Из всего сказанного становится очевидным, что приведенный в ольвийской надписи курс кизикинов может рассматриваться как отражающий их среднюю рыночную стоимость в Ольвии в момент составления декрета. Ввиду этого определение относительной стоимости электра и серебра на основании указанного в надписи курса кизикинов

¹⁹ Нельзя не заметить, что мнение В. В. Латышева (Исследования..., стр. 49 и 50), полагавшего, будто по закону Каноба «кизикинам присваивается право обращения наравне с местной монетой», прямо противоречит стк. 13—22 и всему смыслу надписи, на что обратил внимание Штейнланд (ук. соч., стр. 20).

²⁰ А. Н. Зограф, Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья, АГСП, т. I, стр. 148, он же, АМ, стр. 126—127 и 175. Ср. Д. П. Каллистов, в сб. «Древняя Греция», М., 1956, стр. 360.

²¹ К. Маркс, К критике политической экономии, 1953, стр. 65—66.

²² Что касается кизикинов, то они выполняли здесь, как и на Боспоре, функции денег лишь формально; см. Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 145—146.

²³ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 107—108.

представляется вполне возможным — величина вероятной ошибки не превзойдет допустимую в таких расчетах меру. Для решения поставленной задачи необходимо, таким образом, знать средний вес кизикинов, с одной стороны, и средний вес ольвийских статеров, — с другой. Первое не представляет особенных трудностей, так как число кизикских монет в музеях и частных коллекциях относительно велико и они хорошо изучены; средний вес статеров четвертой хронологической группы, наиболее близкой по времени к ольвийской надписи (ок. 410—330 гг. до н. э.), равен 16,02 г²⁴.

В отличие от кизикинов упомянутые в декрете ольвийские статеры сравнительно редки. Эти монеты имеют на лицевой стороне обращенную влево голову Деметры с ожерельем на шее и вплетенными в прическу колосьями, а на обороте — изображение орла с распушенными по сторонам крыльями, стоящего виришь на обращенном влево дельфине; голова птицы повернута назад, под дельфином находится обычное сокращение ОΛΒΙΟ (ΑΜ, табл. XXXII, 2—3). Средний вес этих монет был впервые определен Рейнаком по четырем известным ему экземплярам; он получил 12,57 или 12,50 г, что повторили Бабелон, Реглинг и Шмитц²⁵. А. К. Марков приписывает ольвийским статерам средний вес 13 г²⁶, наконец, Бертье-Делагард, исследовавший вес более двух десятков монет, получил в среднем 12,21 или 12,23 г; с этим согласны Миниз, Коцевалов, Штейнванд и Зограф²⁷. Но во всех этих случаях приходилось допускать, что курс кизикинов в Ольвии был непомерно завышен; чтобы избежать такого вывода, некоторые ученые высказывали предположение о том, что ольвиополиты сознательно увеличивали вес своих монет, рассчитывая возместить этим плохое качество серебра²⁸. Нам представляется, однако, что эти гипотезы излишни, а средний вес ольвийских статеров, которые упомянуты в надписи, был значительно меньше приводимых в литературе цифр.

Причина ошибки в определении среднего веса ольвийских статеров с изображениями Деметры и орла на дельфине состояла в том, что все нумизматы, касавшиеся этих монет, рассматривали весь их ряд как нечто однородное и принимали за основу своих расчетов арифметический средний вес известных им экземпляров. Между тем эти монеты распадаются на две группы, которые различаются не только фактурой, стилем, наличием или отсутствием дифферентов и сокращений имен магистратов, но также и средним весом. При этом статеры первой группы, которые датируются временем от 360 г. до н. э. до конца IV в., имеют средний вес 11,94 г, а средний вес монет второй группы, относящихся к первому десятилетию III в. до н. э., равен 12,43 г²⁹. Само собой разумеется, что сопоставлять с декретом следует только более ранние монеты, которые

²⁴ Н. von F r i t z e, Die Electronprägung von Kyzikos, «Nomisma», VII (1912), стр. 34 (ср. стр. 31—32), эту же цифру принимает для всех кизикинов А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д (Относительная стоимость..., стр. 30); К. Р е г л и н г вычисляет для всех групп 16,011 г (RE, XII, стб. 225); А. Н. З о г р а ф (ΑΜ, стр. 41 и 175) считает средний вес статеров «немного более 16 г».

²⁵ R e i n a c h, RN, 3 сер., XI, 1893, стр. 157—159; о н ж е, I.' Histoire par les monnaies, стр. 68—69.

²⁶ А. К. М а р к о в, Древняя нумизматика, ч. II, СПб., 1903, стр. 193.

²⁷ Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Относительная стоимость..., стр. 55; о н ж е, Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды, ИС, т. II, 1913, стр. 62—63, № 3.

²⁸ Например, Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Относительная стоимость..., стр. 59, V i e d e b a n t t, ASGW, XXXIV, вып. 3, стр. 105.

²⁹ П. О. К а р ы ш к о в с к и й, О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э., КСИМК, вып. 66 (1956), стр. 69—77; к описанным там экземплярам следует добавить еще четыре, в связи с чем средний вес монет второй группы увеличивается до 12,43 г. Средние веса по группам определены по способу «шкалы»; см. G. F. H i l l, The Frequency-table, NCh, 5 сер., IV, 1924, стр. 76—85 (ср. Ш е л о в, Монетное дело Веспора, стр. 55—60).

по своему весу являются статерами эгиптской системы и подтверждают тем самым терминологию надписи. Несомненность отождествления «статеров» декрета с указанными монетами вытекает и из того, что на протяжении примерно 50 лет, предшествовавших чекану первой их серии, в Ольвии вовсе не выпускали серебра³⁰.

Если, как показано выше, упомянутые в стк. 24—25 надписи серебряные статеры имеют средний вес 11,94 г, а стоимость электрового кизикина, вес которого равен в среднем 16,02 г, приравнивается к $10\frac{1}{2}$ таких монет, то радиоэлектра получаем путем несложного вычисления; $R = (11,94 \times 10,5) : 16,02 = 7,825$, т. е. 7,8.

Приведенный расчет можно использовать в качестве основы для определения относительной стоимости золота в Ольвии около 360 г. до н. э. Этому, правда, мешает то обстоятельство, что процент золота в кизикском электро подвержен очень большим колебаниям — от 16 до 69³¹. Отсюда следует, что устойчивость рыночного курса кизикинов, сделавшая их излюбленной монетой в Причерноморье, не была связана с действительным количеством золота в каждой отдельной монете. В самом деле, закон Архимеда еще не был открыт, и как бы ни относиться к искусству древних аргирогномонов, трудно поверить, что, даже имея возможность определить с помощью пробирного камня наличие лигатуры в сплаве³², они действительно проверяли подобным способом каждый экземпляр всякого сорта монеты. Не говоря уже о том, что следы подобных испытаний должны были сохраниться на самих монетах, при таких условиях вообще трудно представить себе сколько-нибудь развитое денежное хозяйство. Да по существу такая проверка обращающейся монеты и не нужна: как показал К. Маркс, всякая монета, стираясь при переходе из одних рук в другие, уже после нескольких своих шагов в обращении неизбежно является представителем большего металлического содержания, чем она действительно имеет, и постепенно превращается в простой знак стоимости³³. Специально для античной монеты это превращение ускорило тем обстоятельством, что при тогдашней технике чекана почти неизбежной оказывалась значительная терпимость веса внутри монет одного номинала и одного выпуска, так что уже при вступлении в процесс обращения одинаковые по видимости монеты были в сущности неравноценны.

Вполне естественно поэтому, что уже Платон и Аристотель рассматривали (на это также обратил внимание К. Маркс) даже золотую монету как простой символ или знак

³⁰ З о г р а ф, АМ, стр. 126. Отсюда следует, что сама надпись не старше 60-х годов IV в. до н. э. В. В. Л а т ы ш е в (Исследования..., стр. 34 и 48) и С. А. Ж е б е л е в (Северное Причерноморье, стр. 291) относили ее к первой половине столетия без более точного определения; И. М о р д т м а н н («Hermes», XIII, стр. 373—380) отодвигал ее к концу IV в. до н. э. В. Д и т т е н б е р г е р («Hermes», XVI, стр. 189—191) — к его началу, но в обоих случаях основания для уточнения явно недостаточны. Именно появление в Ольвии после длительного перерыва собственных серебряных монет вызвало необходимость постановления, регулирующего денежное обращение в городе.

³¹ F. H u l t s c h, Annähernde Bestimmungen der Münzverhältnisse einiger Electronmünzen, ZfN, XI (1884), стр. 161—166; K. B. H o f m a n n, Zur Geschichte der alten Legirungen, NZ, XVI (1884), стр. 32—33 и 49; XVII (1885), стр. 7—10; J. H a m m e r, Der Feingehalt der griechischen und römischen Münzen, ZfN, XXVI (1907), стр. 26—33; ср. J. G r a f, Die Münzverfälschungen im Altertum, NZ, XXXV (1903), стр. 22—25; R e g l i n g, Kyzikener, RE, XII, 225.

³² T. B l ü m n e r, Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, IV, 1. pz, 1887, стр. 136—139; W. R i g e w a y, How far could the Greeks determine the finess of gold and silver coins?, NCh, сер. 3, XV (1895), стр. 104—105; Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Относительная стоимость..., стр. 4. В 1899 г. в Ольвии был найден пробирный камень со следами золота (ЗООИД, XXII, 1900, прот. № 319, стр. 122), но испытывались им, разумеется, не монеты, а какие-либо ювелирные изделия.

³³ К. М а р к с, К критике политической экономии, стр. 401—418.

стоимости³⁴. Что касается кизикинов, то сама их распространенность в Причерноморье показывает, что до определенного времени они пользовались безусловным доверием и колебания в действительном содержании золота не мешали им существовать и функционировать в качестве монеты в определенной сфере обращения. Вряд ли приходится сомневаться, что они принимались по счету, а при больших платежах — и по весу всей монетной массы, и только монеты, выделявшиеся чем-либо на ее фоне, могли подвергаться докимасии³⁵.

Такая своеобразная роль кизикских статов в процессе обращения находит свое объяснение в том, что древние в течение длительного времени не умели изготавливать искусственный электр и еще во времена Геродота и Софокла считали его особым природным металлом³⁶. Именно этим представлением, которое оставалось в общем непоколебленным до начала IV в. до н. э., и объясняется традиционно устойчивый курс кизикинов, среди которых анализ показал экземпляры, не отличающиеся по внешнему виду от прочих, но имеющие порой только 30, 25, 20 и даже 15% золота. Если бы Кизик чеканил свои прославленные монеты из искусственного сплава³⁷, то состав его был бы, во-первых, более постоянным и, во-вторых, стал бы скоро общеизвестным, после чего и курс кизикинов не мог бы оставаться устойчивым в течение сколько-нибудь значительного времени³⁸. Поэтому для определения стоимости кизикинов и для вычисления на этом основании относительной стоимости благородных металлов в древности нельзя исходить из средних цифр содержания в них золота, полученных в итоге лабораторных анализов XIX—XX вв., тем более что сами эти цифры колеблются в слишком широких пределах. Вместе с тем приобретает решающее значение вопрос о том, каковы были представления древних о составе электра и его ценности.

³⁴ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 112—113.

³⁵ Ср. Heischelheim, *Wirtschaftsgeschichte...*, т. I, стр. 309—311; P. Gardner, *A History of Ancient Coinage*, Oxf., 1918, стр. 34—35; A. R. Burns, *Money and monetary policy in early times*, L., 1927, стр. 287—288.

³⁶ Herod., I, 50; Soph., *Ant.*, 1037. Ср. J. Brandis, *Das Münz-, Mass- und Gewichtswesen in Vorderasien*, B., 1866, стр. 165—166; B. V. Head, *CBM, Ionia*, L., 1892, стр. XV—XXXI; E. Babelon, *Traité des monnaies grecques et romaines*, часть 1, т. I, P., 1901, стб. 356—358; T. Blümler, *Electron*, RE, V, 1905, стб. 2315—2316.

³⁷ Так считал W. Greenwell (см. *The electrum coinage of Cyzikus*, NCh, сер. 3, VII (1887), стр. 15—16); ср. Gardner, *History...*, стр. 35—37. В последнее время в пользу того, что металл кизикинов и электр вообще был с самого начала искусственным сплавом, весьма решительно высказался W. Giesecke (*Antikes Geldwesen*, Lpz., 1938, стр. 17—21). Последний исходит из того, что только этим путем можно было постоянно регулировать неравные и несоизмеримые отношения, в каких находились друг к другу стоимости благородных металлов, и совершенно игнорирует тот факт, что сплав кизикинов содержит совершенно различные количества золота даже внутри одновременных серий; Гизеке пишет, впрочем, что распространение кизикинов было вообще возможно лишь благодаря тому, что сплав изготавливался «сознательно и заботливо». Субъективизм Гизеке виден уже из того, что он, принимая неизменное для всей Греции и для всех времен радио электра, равное 6, уже буквально на следующей странице готов принять и отношение стоимости электра и серебра, равное 1 : 10 (ср. стр. 22 и 23).

³⁸ Reinach, *L'Histoire par les monnaies*, стр. 71—72; Hamme, *ZfN*, XXVI, стр. 50—51; Штейнванд, *ук. соч.*, стр. 11—13. Показательно, что, когда Фокея и Митилена стали на рубеже V и IV вв. до н. э. совместно выпускать гекты из искусственного электра, эти монеты сразу же приобрели плохую репутацию (φωχαις — τὸ χαίσιτον χρυσίον, пишет Гесихий), хоть и получили довольно широкое распространение; ср. B. V. Head, *Historia numorum*, Oxf., 1911, стр. 558 и 588—589.

О том, как определяли греки классической эпохи состав электра, добывавшегося, по словам Геродота (I, 33 и V, 101), на берегах Пактола, можно судить на основании сообщения «отца истории» о том, что посвященный Крезом в Дельфы слиток электра весил два таланта, а равный ему по размерам слиток золота — $2\frac{1}{2}$. Отсюда следует, что малоазийский электр содержал семь частей золота на три части серебра³⁹; это достаточно близко к традиционному представлению античности, согласно которому стоимость золота относится к стоимости электра как 4 : 3⁴⁰. Так полагали и в архаическую эпоху и на закате древнего мира: *electrum fit de tribus partibus auri et argenti una*, — утверждает Исидор Севильский (*Orig.*, XVI, 24) — *unde et nihil interest, natum sit an factum*; эту же пропорцию указывает и Сервий в комментариях к «Энеиде» (VIII, 402). Поскольку все эти данные взаимно подтверждают друг друга и так как они все-таки ближе к действительному содержанию золота в кизикских монетах, чем пропорция, которую называет Плиний Старший⁴¹, то можно согласиться с Хэдом, Рейнаком, Гаммером и другими учеными, которые полагают, что электр кизикинов рассматривали как металлы, состоящий из 75% золота и 25% серебра⁴².

Если состав электра определялся таким образом и в Ольвии и если рацію электра было здесь около 360 г. до н. э. равно, как это показано выше, 7,82, то рацію золота вычисляется без особенных затруднений: принимая, что единица веса электра равноценна 7,82 таких же единиц серебра, получаем, что 0,75 этой единицы равноценны 7,57 единиц серебра, откуда $R = 7,57 : 0,75 = 10,093$, т. е. приблизительно 10,1. Сама по себе такая цифра не является чем-либо невозможным и подтверждает точку зрения тех ученых, которые полагают, что рацію золота, равное 10, установилось не со времени Александра Македонского, как считал Рейнак, а еще на рубеже V—IV вв. до н. э.⁴³. Следует напомнить, что К. Марке также полагал, что «...существовавшее во времена Ксенофонта отношение 10 : 1 может рассматриваться как нормальное для среднего периода древности»⁴⁴.

Полученную величину рацію золота в Ольвии около 360 г. до н. э. можно проверить при помощи самих ольвийских монет. К сожалению, в то время, когда была вырезана надпись, ольвиополиты не чеканили золота, что следует, впрочем, и из текста. Первый выпуск золотой ольвийской монеты относится ко времени около 330 г. до н. э., когда продолжался еще выпуск серебряных статов первой группы. При этом серебро и золото чеканились в Ольвии по различным весовым системам: серебро по эгинской, а золото — по аттической; однако по типам изображений, по наличию одинаковых дифферентов и сокращений имен они совершенно одинаковы⁴⁵. Применение различных

³⁹ Brandis, *Das Münz-, Mass- und Gewichtswesen in Vorderasien*, стр. 167; F. Lenormant, *La monnaie dans l'antiquité*, I, P., 1878, стр. 194; F. Hultsch, *Griechische und römische Metrologie*, B., 1882, стр. 578; ср. RE, V, стб. 2316.

⁴⁰ Одновременно отношение стоимости электра к стоимости серебра было равно 1 : 10; см. B. V. Head, *Metrological notes on the electrum coins*, NCh, n. s., XV (1875), стр. 254; он же, *Historia numorum*, стр. XI; A. Jacob, *Electron*, DA, II, ч. 1, 1892, стб. 535; Reinach, *L'Histoire par les monnaies*, стр. 45—48; Hammer, ZfN, XXVI, стр. 51—53; Heichelheim, *Wirtschaftsgeschichte...*, I, стр. 309.

⁴¹ Четыре части золота и одна часть серебра: Plin., N. H., XXXIII, 4, 23.

⁴² Head, NCh, n. s., XV, стр. 254; Reinach, *L'Histoire par les monnaies*, стр. 45—48; Hammer, ZfN, XXVI, стр. 51—53; Heichelheim, *Wirtschaftsgeschichte...*, стр. 307—309; для раннего электра это принимает и Burns, *Money and monetary policy*, стр. 158—159 и 215.

⁴³ H. T. Wade-Gery, *The ratio of silver to gold during the Peloponnesian War*, NCh, 5 сер., X, 1930, стр. 16—38; ср. Heichelheim, *Wirtschaftsgeschichte...*, I, стр. 307.

⁴⁴ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 157.

⁴⁵ См. Карышковский, КСИИМК, вып. 66, стр. 72—73, табл. IV, 9 и IV, 6; в эту серию входят и серебряные драхмы, битые также по эгинской системе; ср. там же, табл. IV, в.

систем для разных металлов не является для этого времени чем-либо необычным — и Македония, и Кизик, и многие другие центры выпускали золотые и серебряные монеты одновременно по двум весовым системам. Это создавало порой известные трудности, и вполне закономерным является вопрос: каким образом сочетались такие монеты в денежном обращении? Вообще говоря, вряд ли следует ожидать, чтобы между одновременно выпущенными в одном центре номиналами, если они предназначались даже для различных сфер обращения, сознательно устанавливались сложные счетные отношения. Действительно, из дельфийской надписи, датированной именем архонта Диона (т. е. 336/35 г. до н. э.), узнаем, что золотой Филиппа, битый по аттической системе, разменивался на семь эгинских статов⁴⁶. Золотой Ольвии имеет вес 8,51 г и принадлежит, следовательно, к аттической системе, а одновременное с ним серебро чеканилось, как сказано выше, по эгинской; если принять между золотыми и серебряными монетами Ольвии такое же счетное отношение, какое было в то время в Дельфах и являлось, надо полагать, общим для всего греческого мира⁴⁷, то получим: $R = (11,94 \times 7) : 8,51 = 9,821$. Таким образом, стоимость золота упала в Ольвии между 360 и 330 гг. до н. э. от 10,4 до 9,8, т. е. на 2,6%.

Это падение стоимости золота не выходит само по себе за рамки постоянных колебаний стоимости благородных металлов и чеканной монеты, которые характерны для хозяйства греческих полисов доэллинистического времени⁴⁸, и в данном случае находит свое объяснение в общей тенденции к понижению ценности золота, обозначившейся в Греции со времен Пелопоннесской войны⁴⁹. Близость цифр, выведенных из различных источников, служит сама некоторой гарантией в их пользу. Вместе с тем укрепляется доверие к ольвийской надписи, которая как нельзя лучше увязывается с показаниями, извлекаемыми из современных ей и близких по времени монет Ольвии.

Все эти наблюдения позволяют оценить и другое письменное известие о курсе кизикских драхм на северных берегах Понта. Оно содержится, как известно, в судебной речи против Формиона, которая долгое время приписывалась Демосфену⁵⁰; эта речь была произнесена в Афинах в 327/26 г. до н. э.⁵¹. Согласно показаниям оратора, курс кизикских статов составлял на Боспоре 28 аттических драхм, что в последнее время считают положительно невозможным. Для выяснения степени достоверности этого свидетельства необходимо, однако, рассмотреть его в связи с обстоятельствами дела и всей обстановкой, в которой была произнесена эта речь⁵².

Некто Формион, отправляясь из Афин на Боспор по торговым делам, одолжил у трех лиц 75 мин, в том числе у иста, метека Хрисиппа, 20 мин и у моряка Ламнида, вольноотпущенника Диона, 1000 драхм (§§ 6—7, ср. § 23). На корабле, который вел Ламнид, он двинулся в путь. Согласно договору с Хрисиппом, Формиону предоставлялось либо нагрузить боспорскими товарами корабль Ламнида и расплатиться с Хрисиппом по возвращении в Афины, либо расписаться с ним в Пантикее через Ламни-

⁴⁶ SIG, 13, 351, H, стб. II, стр. 9—11; о роде Диона см. P. de la Costa-Messelière, *Listes amphictioniques du IV siècle*, BCH, LXXIII (1949), № 1, стр. 236.

⁴⁷ Cp. Gardner, *History...*, стр. 425; Segrè, *Metrologia...*, стр. 244.

⁴⁸ Hasebroek, *Staat und Handel im alten Griechenland*, стр. 88.

⁴⁹ Wade-Gery, NCh, сер. 5, т. X, стр. 36—37; ср. Reinach, *L'Histoire par les monnaies*, стр. 50—52; Зорграф, AM, стр. 48.

⁵⁰ Против авторства Демосфена см. замечания С. И. Соболевского (История греческой литературы, II, М., 1955, стр. 285; ср. W. Christ, *Geschichte der griechischen Literatur*, 5 изд. под ред. В. Шмидта, I, München, 1908, стр. 567).

⁵¹ F. Blass, *Die Attische Beredsamkeit*, III, ч. I, Lpz, 1893, стр. 577—578.

⁵² Blass, *Die Attische Beredsamkeit*, III, ч. 1, стр. 576—582; ср. Thalheim, *Der Process des Chrysippos gegen Phormion*, «Philologische Abhandlungen M. Hertz zum 70. Geburtstag dargebracht», B., 1888, стр. 58—68; [Dem.], XXXIV, pp. 907—922 (цит. в тексте по §§).

да, который должен был получить причитающуюся лично ему сумму сразу по прибытии на место (§§ 7—9 ср., 32 и 53).

Дальнейшие события опрокинули все эти расчеты. Формион впоследствии утверждал, что он не находил покупателей на привезенные товары из-за военных действий между царем Перисадом и скифами (§ 8); с трудом расплатился он с Лампидом и с третьим своим кредитором (последний также отправился в плавание на Боспор), но не смог нагрузить судно Лампида товарами для уплаты Хрисиппу, как это намечалось первоначально (§§ 26, 28 и 40). Лампид, впрочем, накопил товаров и нагрузил корабль, однако потерпел крушение недалеко от берегов Боспора. Погиб не только груз, но и многие из моряков; Лампид и те, кому посчастливилось спастись вместе с ним, с трудом добрались до Афин (§§ 9—11). Позже вернулся и Формион; Хрисипп потребовал возвращения долга и процентов, причем ввиду несостоятельности должника передал дело в суд (§§ 12—21, ср. 17 и 44). Формион не отрицал своих обязательств, но в последней судебной инстанции заявил, что передал Лампиду на Боспоре 120 кизикских статеров для погашения долга Хрисиппу; Лампид, который прежде ничего не говорил об этом, подтвердил при свидетелях, что действительно получил эту сумму, но деньги погибли вместе с кораблем при крушении (§§ 11—17).

Все эти обстоятельства имели место перед произнесением дошедшей до нас речи, с которой выступают попеременно Хрисипп и его брат. Обвинители, естественно, стремятся всячески очернить своего противника, который якобы уже в самом начале нарушил договор (§§ 6—7, ср. 22 и 40). Достается попутно и Лампиду, но главным оружием братьев является следующее рассуждение. Согласно объяснениям Формиона и Лампида, выходит, что первый уплатил значительно больше причитавшейся с него суммы: вместо 2600 драхм (20 мин долга и 600 драхм процентов) отдано 120 кизикинов, которые ходили на Боспоре по 28 аттических драхм, т. е. 3360 драхм. Несообразность еще более возрастает оттого, что эти 120 кизикинов были взяты Формионом в долг, причем проценты по этому последнему должны были составить еще 560 драхм. «Может ли быть, о судьи, или был ли такой человек, — победоносно заключают обвинители, — который бы заплатил за 2600 драхм 30 мин и 360 драхм, да еще процентов 560 драхм, т. е. 3920?» (§§ 23—25).

Следует заметить, что, располагая объяснениями ответчика лишь в том виде, в каком их приводят обвинители, невозможно решить, состоялась ли в действительности передача Лампиду 120 кизикинов; для интересующего нас вопроса это не имеет, впрочем, определяющего значения. Важнее подчеркнуть другое: как бы ни понимать взаимоотношения сторон, несомненно, что приводимый Хрисиппом курс не вызывал сомнений ни у истцов, ни у ответчика, ни у судей, ни у слушателей; он дан мимоходом, как нечто общезвестное и не требующее ни разъяснений, ни доказательства: «ὅδ' ἔστιν ὡς ἐχρήθη ἐδόναιτο ἐκεῖ ἐν Βοσπόρῳ» (т. е. ἐν Βοσπόρῳ) «ἐκαστὸ καὶ ὅστω δραχμὰς Ἀττικὰς». Учитывая, что это место единогласно засвидетельствовано рукописным преданием речи, его так и понимали ученые прошлого века, и среди них такие, как А. Бек и Т. Моммзен⁵³; так продолжали и в дальнейшем считать многие крупные специалисты; развернутую аргументацию в пользу прямого понимания текста представил в особенности Бертье-Делагард⁵⁴. Не оказалось, впрочем, недостатка и в скептиках: дело в том, что столь высокий курс кизикинов трудно примирить с неправильным, но все еще распространенным мнением о необыкновенной дешевизне золота на северных берегах Черного моря. Не останавливаясь на путаных рассуждениях Кейно, отметим, что с попыт-

⁵³ A. B o e c k h, Die Staatshaushaltung der Athener, I, B., 1886, стр. 33, 39; T. M o m m s e n, Histoire de la monnaie Romaine, I, P., 1865, стр. 8.

⁵⁴ Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Относительная стоимость... стр. 15—18; ср. F. H u l t s c h, Griechische und römische Metrologie, B., 1882, стр. 185; L e n o r m a n t, La monnaie dans l'antiquité, т. I, стр. 151; B. V. H e a d, On a recent find of staters of Cyzikus, NCh, n. s., т. XVI, 1876, стр. 297; о н ж е, CBM, Ionia, стр. XXVIII, прим.; Historia numorum, стр. 523; G r e e n w e l l, NCh, сер. 3, т. VII, стр. 17; B a b e l o n, Les origines de la monnaie, стр. 328.

ками «исправления» текста выступали Гарднер, Рейнак, Реглинг, Фидебант и другие, ввиду чего необходимо ознакомиться с их аргументами.

П. Гарднер подошел к истолкованию указанного места весьма решительно: он предположил, что показание обвинителя относится не к Боспору, но к Афинам; на Боспоре же, где золото было дешево, существовал якобы курс кизикинов, вытекающий из слов Формиона, в представлении которого долг в 2600 драхм покрывается 120 кизикинами, т. е. $2600 : 120 = 21\frac{2}{3}$. Несмотря на очевидную натянутость этих рассуждений, они встретили сочувствие Т. Рейнака, который в одном случае солидаризируется с Гарднером, а в другом предполагает, основываясь на априорных соображениях, что оратор имеет в виду не аттические, а местные, пантикапейские драхмы, вес которых Рейнак берет к тому же из произвольных расчетов Рейно⁵⁵.

Другие ученые, считавшие нужным так или иначе исправлять текст Псевдо-Демосфена, не привели в пользу этого никаких новых доводов. О. Фидебант и К. Реглинг объявляют, например, слово Ἀττικὰς припиской: по мнению Реглинга, здесь «несомненно» имеются в виду пантикапейские драхмы, весящие 3—3,5 г, а по словам Фидебанта, курс в 28 драхм за кизикин вообще невозможен; оба сходятся на том, что настоящий курс кизикинов дан в показании ответчика и равен $21\frac{2}{3}$ драхмы⁵⁶. Г. Шмитц справедливо критикует Фидебанта, но ведет свои вычисления на основании произвольно округленных цифр и априорного определения стоимости золота; в итоге он получает курс в $22\frac{1}{2}$ драхмы за кизикин. Показание Хрисиппа Шмитц, следуя мнению, высказанному еще сто лет назад А. Шефером, связывает с войной, которую боспорский царь вел со скифами к моменту прибытия Формиона, что и привело к падению курса аттической драхмы⁵⁷.

Большого внимания заслуживает взгляд, выдвинутый в прошлом веке Т. Тальгеймом, а в последнее время И. Газебреком и Ф. Гейхельгеймом. Эти исследователи стремятся примирить оба свидетельства, относя курс, вытекающий из слов Формиона, т. е. $21\frac{2}{3}$ драхмы, к Афинам, а курс, засвидетельствованный Хрисиппом, т. е. 28 драхм, к Пантикапее; при этом Газебрек полагает, что разница, равная примерно 23% всей суммы, составляет акко⁵⁸. Близкие воззрения развивают также А. Н. Зограф и Д. Б. Шелов; они считают, что нормальный курс кизикинов в момент произнесения речи дан в объяснениях ответчика и равен $21\frac{2}{3}$ аттической драхмы; курс же в 28 драхм за кизикин советские ученые, в отличие от Газебрека, считают не обычным для Боспора, а временным, вызванным войной; основание для этого А. Н. Зограф видит в том, что золотое содержание кизикинов не может оправдать их постоянный размен на 28 аттических драхм⁵⁹.

По поводу всех перечисленных построений необходимо заметить следующее. Возможно видеть в упоминаемых Хрисиппом драхмах не аттические, но пантикапейские монеты, так как при этом пришлось бы стать на путь произвольных изменений текста источника; кроме того, в IV в. до н. э. в Пантикапее чеканили серебро по эгинской системе, а драхмы со средними весами 3—3,5 г, которые упоминает Реглинг, относятся к концу III и ко II вв. до н. э. и их отделяет от речи Псевдо-Демосфена не толь-

⁵⁵ P. Gardner, The exchange value of Cyzicene staters, NCh, ser. 3, VII, 1887, стр. 185—190; он же, History..., стр. 242; Reinach, L' Histoire par les monnaies, стр. 67. Ср. замечания Бертье-Делагарда, Относительная стоимость..., стр. 16—17.

⁵⁶ Viedebantt, ASGW, XXXIV, вып. 3, стр. 104—105; Regling, Kyzikenner, RE, XII, стб. 227; Segrè, Metrologia, стр. 212.

⁵⁷ Schmitz, Ein Gesetz der Stadt Olbia..., стр. 21—25; ср. A. Schaefer, Demosthenes und seine Zeit, III, ч. 2, Lpz, 1858, стр. 306.

⁵⁸ Hasebroek, PhW, т. 46, № 14—15, стр. 370—371; Heichelheim, Wirtschaftsgeschichte..., I, стр. 309—310; ср. Thalhheim, Der Process des Chrysippos, стр. 64; Schaefer, указ. соч., III, ч. 2, стр. 306.

⁵⁹ Зограф, AM, стр. 175; Шелов, Монетное дело Боспора, стр. 136.

ко столетие, но и монетный кризис первой половины III в. до н. э.⁶⁰. Таким образом, приходится соглашаться с Псевдо-Демосфеном в том отношении, что речь идет о драмах аттической весовой системы⁶¹.

Сложнее решить, имеем ли мы в известии Псевдо-Демосфена указание на относительно постоянный курс кизикинов на Боспоре, или же в нем отражено временное и случайное повышение их стоимости? Отрицать первое, в сущности, нет достаточных оснований; резкое различие между одновременными ценами благородных металлов в различных частях античного мира является общеизвестным фактом⁶², а все то, что мы знаем об экономическом и политическом положении Боспорского государства во времена Перисада⁶³, никак не дает права предполагать, будто из-за столкновения со скифами, которое, кстати сказать, С. А. Жебелев рассматривал вообще как «один из походов против какого-либо из меотских племен в азиатской части Боспора»⁶⁴, на пантикапейском рынке замерла вся торговля. Выдвигать такую версию было, разумеется, в интересах Формиона, но факты не позволяют понимать его слова буквально. Ведь в то самое время, когда Формион жаловался на полный застой в делах, он распродал привезенные товары и сумел удовлетворить двух своих кредиторов на сумму в 55 мин, а для уплаты третьему, т. е. Хрисиппу, одолжил 120 кизикинов, и притом под проценты, величину которых нельзя признать катастрофически высокой. Одновременно и Лампид сумел не только нагрузить доверенный ему корабль боспорскими товарами, но даже перегрузил его сверх всякой меры, приняв на борт, помимо всего прочего, еще и тысячу кож, что и привело судно к гибели⁶⁵. Наконец, курс кизикинов по 28 драм за статер нельзя рассматривать как кратковременный и резко повышенный по сравнению с их средним курсом на Боспоре еще и потому, что в таком случае вообще непонятно, из каких соображений Формион, коль скоро он решил вернуть долг Хрисиппу в Пантикапее, а не в Афинах, стал рассчитывать именно кизикинами: разменяв их по курсу на любую серебряную монету, он ведь мог расплатиться с помощью всего 93 статеров, оставив себе остальные 27⁶⁶. Вряд ли приходится сомневаться, что, если бы обвп-

⁶⁰ Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Относительная стоимость ..., стр. 34—37; З о г р а ф, АМ, стр. 176—181; Ш е л о в, Монетное дело Боспора, стр. 90—106, 113—120, 158—164, 177—180.

⁶¹ Следует добавить, что Шмитц, полагающий, будто война со скифами вызвала падение аттической драхмы, совершенно превратно изображает все денежное хозяйство Боспора во второй половине IV в. до н. э. В пользу обращения здесь реальных афинских монет нет никаких аргументов, и аттические драхмы выполняют в данном случае лишь функцию меры стоимости. Поэтому речь вообще может идти не о «падении аттической драхмы», выступающей в роли идеальных счетных денег (ср. Ш е л о в, Монетное дело Боспора, стр. 146), а об изменении рыночного курса кизикинов.

⁶² R e i n a s L., L' Histoire par les monnaies, стр. 52—57 и др.; S e g r è, Metrologia..., стр. 241—245; З о г р а ф, АМ, стр. 48. Насколько нам известно, только Ш т е й н-в а н д (ук. соч., стр. 16) считал невозможным признать различие между афинским и боспорским курсами равным разности между 28 и 21²/₃ драхмами, ибо это «разрушило бы всякую торговлю».

⁶³ В. В. Л а т ы ш е в, PONTIKA, СПб., 1909, стр. 80—82; Ж е б е л е в, Северное Причерноморье, стр. 131—137 и 146—148; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 61—62; Д. П. К а л л и с т о в, Очерки по истории Северного Причерноморья, стр. 234 сл.

⁶⁴ Ж е б е л е в, Северное Причерноморье, стр. 148, прим. 1.

⁶⁵ Dem., XXXIV, §§ 8, 10, 23, 26, 40—42. 560 драм процентов за одолженные 3360 (т. е. 120 × 28) составляют 16,7%, хорошо известный τόκος ἔφεκτος, что отнюдь не являлось высоким процентом — Хрисипп, например, получил 6 мин на 20, т. е. 30%. Ср. В о е s k h, Die Staatshaushaltung..., I, стр. 156—175; А. И. Т ю м е н е в, Существовал ли капитализм в Древней Греции, Л., 1923, стр. 95 и 139—140.

⁶⁶ T h a l h e i m, Der Process des Chrysippes, стр. 64, прим.

нителям был известен курс в 28 аттических драхм за кизикин в качестве временного и случайного, они не преминули бы использовать вытекающие отсюда соображения в своей аргументации, да и при обозначении курса было бы, пожалуй, сказано не только «там», т. е. на Боспоре, но и «тогда», «в то время» или что-нибудь подобное⁶⁷.

Все эти рассуждения ведут, как кажется, к тому, что размен кизикина на 28 аттических драхм приходится понимать как выражение более или менее нормального курса на Боспоре в середине второй половины IV в. до н. э. На этом основании нетрудно определить радио электра — оно составляет, как это показано А. Л. Бертье-Делагардом⁶⁸, 7,41. Затруднения же, связанные с тем, что такой курс электра не находит соответствия в среднем золотом содержании кизикинов⁶⁹, вообще отпадают, если принять стоимость кизикского статера такой, какой ее считали в древности, т. е. исходя из представления о том, что электр состоит из трех частей золота и одной части серебра, как это делали в данном случае Моммзен и Гульч⁷⁰. Тогда радио золота составит около 9,5⁷¹, т. е. на 2,8% ниже, чем в Ольвии в тот же примерно период; однако это вполне естественно, как ввиду большего торгового значения боспорского рынка по сравнению с ольвийским во второй половине IV в. до н. э., так и из-за близости Боспора к золотонесной Колхиде.

А. Л. Бертье-Делагард получает радио золота на Боспоре во время произнесения речи против Формиона другим путем — он сравнивает веса золотых и серебряных монет Пантикапея этой эпохи⁷². Признавая такой метод вычисления радио вполне допустимым, не видим вместе с тем возможности последовать за автором в его выкладках. Дело в том, что Бертье совершенно бездоказательно приравнивает пантикапейский золотой к девяти серебряным статерам эгинской системы; отвергая это произвольное предположение, мы в то же время не имеем права применить в данном случае использованное выше указание дельфийской надписи о размене филиппина на семь эгинских статеров — золото Пантикапея весит, как известно, 9,09—9,10 г, т. е. ощутительно тяжелее статеров аттической системы, каковыми были монеты Филиппа Македонского и Ольвии. Не входя здесь в рассуждение о том, по какой системе бито золото Пантикапея и в чем причина его необычного веса, остается лишь констатировать, что для проверки произведенных расчетов оно не дает необходимой точки опоры.

Но если современные Псевдо-Демосфеновой речи монеты Боспора не позволяют проверить правильность вычисляемого на основании ее показаний радио золота, то, обращаясь к рассмотрению монет несколько более позднего времени, мы получаем такую возможность. В самом деле, среди золотых Пантикапея имеется серия монет, битых уже по аттической системе: их средний вес — 8,56 г. О том, что это не случайное понижение веса нескольких экземпляров, свидетельствует наличие в этой серии и полустатера, т. е. золотой драхмы (вес уникального экземпляра в Эрмитаже — 4,29 г)⁷³. В специальной статье мы показали, что переход к аттической системе распро-

⁶⁷ Мы сознательно оставляем в стороне вопрос о курсе кизикинов в Аттике, ибо для его решения потребовалось бы привлечение другого круга источников, что не является темой настоящей статьи.

⁶⁸ Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Относительная стоимость..., стр. 30, ср. 26.

⁶⁹ С р. З о г р а ф, АМ, стр. 175; S e g r è, Metrologia..., стр. 211—212.

⁷⁰ М о м м з е н, Histoire de la monnaie romaine, I, стр. 8; Н u l t s c h, Griechische und römische Metrologie, стр. 185.

⁷¹ Единица веса электра равноценна 7,41 единицы серебра, откуда 0,75 этой единицы равны по стоимости 7,16 единицы серебра, следовательно, $R = 7,16:0,75 = 9,546$, т. е. практически 9,5.

⁷² Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Относительная стоимость..., стр. 31—43.

⁷³ Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Относительная стоимость..., стр. 51—53; о н ж е, Материалы для весовых исследований, стр. 86, №№ 139 и 140; К. R e g l i n g, Der griechische Goldschatz von Prinkipo, ZfN, XLI, 1931, стр. 36; Ш е л о в, Монетное дело Боспора, стр. 93, 96, 138—139.

странился на Боспоре в первом десятилетии III в. до н. э. и на серебро: в одну серию с указанными золотыми статерами и полустатерами входят серебряные тетрадрахмы, дидрахмы и, быть может, монеты младших номиналов; к тем же выводам самостоятельно пришел и К. В. Голенко⁷⁴. Так как статер аттической системы разменивался во время Александра, как правило, на 20 драхм (АМ, стр. 43), можно попытаться определить стоимость золота в Пантикапее лет на 30 позже произнесения речи против Формиона; расчет показывает, что около 300 г. до н. э. радио золота приближалось на Боспоре к цифре 9,2⁷⁵. Здесь, таким образом, как и в Ольвии, наблюдается неуклонное падение стоимости золота в течение всей второй половины IV в. до н. э.

Падение стоимости золота в этот период хорошо известно для Греции и представляет собой прочно установленный факт⁷⁶. Причина этого заключается в том, что уже со времен Пелопоннесской войны в греческом мире заметно возрастает количество находящейся в обращении золотой монеты. Этому содействовали, в свою очередь, увеличивающаяся добыча золота, разграбление накопившихся на протяжении столетий храмовых сокровищниц в ходе междоусобных войн, принявший широкий размах подкуп греческих политических деятелей персами, наконец, плата наемникам персидских царей и сатрапов. Если до Пелопоннесской войны чекан золота был для Греции исключением, то на рубеже V—IV вв. до н. э. золотую монету выпускают в значительных количествах многие города Фракии, Родос и некоторые другие⁷⁷. Однако наиболее сильное воздействие на изменение стоимости золота оказали, надо полагать, золотые эмиссии Филиппа Македонского, начало которых приходится почти точно на середину IV в. до н. э.⁷⁸, затем Александра, использовавшего для чекана монеты легендарные сокровища Ахеменидов, наконец — Лисимаха и других диадохов. Все это вместе взятое приводит к тому, что в течение всего IV в. до н. э. и особенно интенсивно во второй его половине золото неуклонно падает в цене; выше было показано, что этот процесс захватил, как и следовало ожидать, также государства Северного Причерноморья.

Понижение стоимости золота повлекло за собой падение курса электровой монеты. В этом же направлении действовала и другая причина: после того, как на рубеже V и IV вв. до н. э. был открыт и технически освоен способ изготовления электра любого заданного состава, ряд городов приступил к изготовлению монет из искусственного сплава, содержавшего в некоторых случаях не более половины золота, т. е. много меньше того количества, которое приписывалось по традиции естественному электру. Иллюстрацией этого является, например, сохранившийся договор Фокеи и Митилены о совместном производстве монеты из такого сплава⁷⁹; несмотря на то, что лицо, виновное в злонамеренном ухудшении качества металла, подлежит смертной казни, чеканенные в силу указанного соглашения монеты содержат лишь около 40% золота⁸⁰. Само

⁷⁴ К. В. Г о л е н к о, К датировке пантикапейских тетрадрахм, КС ИИМК, вып. 63 (1956), стр. 158—161.

⁷⁵ Вес пантикапейских тетрадрахм (Зограф, АМ, табл. XLI, 15) приближается к 15,69 г, откуда $R = (15,69 \times 5) : 8,56 = 9,164$.

⁷⁶ R e i n a c h, L'Histoire par les monnaies, стр. 50 сл.; B u r n s, Money and monetary policy, стр. 346 сл.; S e g r è, Metrologia, стр. 237 сл.; Ш т е й н в а н д, ук. соч., стр. 18 сл.; C. T. S e l t m a n, Greek Coins, L., 1933, стр. 199 сл.; H e i c h e l h e i m, Wirtschaftsgeschichte..., I, стр. 307 сл.

⁷⁷ A. B. W e s t, Fifth and fourth century gold coins from the Thracian coast, NNM, № 40, N. Y., 1929, стр. 1—32 и др.; о Родосе см. B a b e l o n, Traité des monnaies..., ч. II, т. II, P., 1910, стб. 1011—1028; H e a d, Historia numorum, стр. 638—639.

⁷⁸ A. B. W e s t, The early diplomacy of Philip II illustrated by his coins, NCh, 5 сер., III, 1923, стр. 177 (около 348 г. до н. э.).

⁷⁹ M. N. T o d, A Selection of Greek historical inscriptions, II, Oxf., 1948, стр. 34—36, № 112; там же указана литература.

⁸⁰ B a b e l o n, Traité des monnaies..., т. II, ч. II, стб. 1211—1230, №№ 2153—2226, табл. 159, 29—161, 42. Содержание золота дается по Г а м м е р у, ZfN, XXVI, стр. 45—47.

собой разумеется, что это подрывало доверие ко всякой электровой монете; уже в годы, близкие к упомянутому договору, Лампсак, чеканивший с древнейших времен монеты из электра, переходит к выпуску статеров из чистого золота⁸¹. В течение первой половины IV в. до н. э. электр везде уступает свою исконную роль монетного металла золоту, и около 330 г. до н. э. или немногим ранее прекращает чекан своих прославленных статеров и Кизик⁸².

В свете изложенного становится ясно, что мы располагаем надежными письменными свидетельствами об относительной стоимости благородных металлов в Северном Причерноморье в IV в. до н. э. Ольвийская надпись и афинская судебная речь независимо друг от друга согласно показывают, что курс кизикских статеров менялся на северных берегах Понта Евксинского между 360 и 330 годами до н. э. соответственно колебаниям радио электра от 7,8 до 7,4. Принимая, как это и полагали в древности, что металл кизикинов равноценен сплаву из трех частей золота и одной части серебра, определяем колебание радио золота в тот же период от 10,4 до 9,5. Проверив полученные данные там, где это возможно, при помощи относящихся к этому или близкому времени монет Ольвии и Пантикапея, приходим к подтверждению этих показаний. Картина, восстанавливаемая на основании столь различных по своему характеру исторических источников, заслуживает, как нам представляется, полного доверия, тем более, что с нею вполне согласуются прочно засвидетельствованные факты социально-экономической истории греческого мира на рубеже эллинистической эпохи.

П. О. Карышковский

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ПАТРЭЯ 1949—1951 гг.

Раскопки в Патрее в 1949, 1950 и 1951 гг. дали хотя и небольшой, но очень важный нумизматический материал, не только датирующий археологические слои, но и освещающий в некоторой мере вопрос о денежном обращении в Патрее.

Монеты были найдены в 1949 г. при раскопках самой высокой части Патрейского городища, на месте предполагаемого акрополя, а в 1950 и 1951 гг. — на территории берегового раскопа при открытии эллинистического здания. Всего обнаружено 26 монет, из них 8 совершенно неразборчивых.

Ввиду того, что на данных раскопках самым ранним является археологический слой IV—III веков до н. э., монет VI—V веков до н. э. не встречалось. Самыми ранними являются монеты Пантикапея первой половины и середины III века до н. э. (список №№ 23 и 20). Далее идут пантикапейские автономные монеты второй четверти II века до н. э. (№№ 14 и 17). Они обнаружены при раскопках эллинистического здания. К первой половине II века до н. э. принадлежит одна автономная монета Пантикапея (№ 19). Далее следуют монеты Митридата VI Евпатора и его времени, чеканенные на Боспоре. К их числу принадлежит «безымянная» монета, чеканенная в конце царствования Митридата VI Евпатора на Боспоре во время наместничества Махара (№ 1, табл., рис. 1). Затем к этому же времени относится автономная пантикапейская монета (№ 18). Интересна монета царя Аспурга времени правления Тиберия с изображениями на аверсе боспорского царя в диадеме вправо с монограммой и на реверсе — головы

⁸¹ A. Baldwin, The gold coinage of Lampsakas, JIAN, V, 1902, стр. 1—24 и другие работы того же автора (особенно AJN, LIII, вып. 3, 1924); ср. K. Regling, Lampsakener, RE, Nб. 23 (1924), стб. 589—590.

⁸² Принимаем дату Фритце, поддержанную Гарднером, Реглингом, Зелтманом и Зографом; Гринвелл, Рот, Хэд и Бабелон относят прекращение выпуска кизикинов просто к середине IV в. до н. э.